

18+
СЕРГЕЙ КИРНИЦКИЙ

Цифровой рубль

ПОСОБИЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ,
КОТОРЫЕ ЕМУ НЕ ДОВЕРЯЮТ

Сергей Кирницкий
Цифровой рубль.
Пособие для взрослых,
которые ему не доверяют

<https://litres.ru/74320024>

ISBN 9785007091503

Аннотация

Научно-популярное издание о формах денег и денежном следе. Рассмотрены наличные, средства на банковском счёте и цифровой рубль: чьим обязательством является каждая форма, кто участвует в расчётах, как устроена прослеживаемость операций и какие возражения она вызывает. Приведены практические упражнения и разбор типичных страхов. Для широкого круга читателей.

Содержание

Пролог. Две судьбы одной суммы	5
0.1. Конверт и перевод	6
0.2. Правила этой книги	11
0.3. Предупреждение	16
Часть I. Три формы денег	21
Глава 1. Чьи деньги у вас в кармане	23
1.1. Купюра: обязательство без посредника	23
1.2. Деньги на карте: долг банка перед вами	28
1.3. Когда банк не может отдать	33
1.4. Третья форма	37
1.5. Что сделать сегодня	41
Глава 2. Кто зарабатывает на ваших платежах	46
2.1. Комиссия, зашитая в цену	47
2.2. Кешбэк: возврат вашей же комиссии	51
2.3. Сколько берёт третья форма	55
2.4. Считаем: надбавка за год	59
Глава 3. Свидетель и запись	64
3.1. Купюра не помнит. Помнят люди	65
3.2. Свидетель против записи	69
3.3. След карты: кто его читает	73
3.4. След цифрового рубля: другой адресат	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Цифровой рубль Пособие для взрослых, которые ему не доверяют

Сергей Кирницкий

Оформление обложки Created with Grok

© Сергей Кирницкий, 2026

ISBN 978-5-0070-9150-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Две судьбы одной суммы

Триста тысяч рублей — сумма, которую легко представить. Стопка купюр толщиной в палец или строка на экране телефона: пока деньги лежат, это одни и те же деньги. Разными они становятся в движении.

В одном подъезде одного дома одна и та же сумма прожила две противоположные судьбы. Одна исчезла за вечер — так, что наутро искать оказалось нечего. Вторая ушла к чужому человеку по ошибке — и через три дня вернулась туда, откуда вышла. Люди в этих двух историях не отличались ничем особенным.

Отличались деньги.

Эта книга — о разнице между двумя судьбами одной суммы: о следе, который деньги либо оставляют, либо обрывают в момент передачи. Книга не будет изображать нейтральность. Она спор и объявит это прямо — вместе с правилами, которые накладывает на себя сама. Вердикт в этом споре останется за вами — включая право сказать «нет».

0.1. Конверт и перевод

Тамаре Ивановне позвонили в среду, в начале восьмого вечера. Ей шестьдесят восемь, она живёт на первом этаже, у окна с геранью. Женский голос в трубке говорил быстро и глотал окончания: ваш внук сбил человека, пострадавшая в больнице, дело ещё можно закрыть. Потом трубку передали мужчине.

Мужчина говорил медленно и спокойно. Назвался следователем, назвал её по имени-отчеству, назвал имя внука. Сказал: вопрос решается сегодня, нужны триста тысяч, наличными, для потерпевшей стороны. Курьер подъедет через сорок минут, выходить к арке, в подъезд никого не пускать.

Было и ещё одно условие, произнесённое тем же ровным тоном: трубку не класть до приезда курьера. Пока она собирала деньги, телефон лежал рядом на столе, и голос из него время от времени спрашивал, всё ли идёт как надо. Все сорок минут линия была занята — набрать дочь было попросту не с чего.

Деньги дома были. Она откладывала их несколько лет — с пенсии, понемногу, на своё; коробка стояла на антресолях, за банками, купюры лежали ровно, перетянутые аптечной резинкой. Достала, пересчитала, доложила из кошелька до ровной суммы. Положила в конверт от старой открытки — дру-гого под рукой не нашлось.

У арки её ждал молодой человек в тёмной куртке, с капюшоном. Он взял конверт, сказал «всё передам» и пошёл в сторону остановки, не оборачиваясь. Вся передача заняла секунд десять. Было без четверти восемь.

Вечер она провела у телефона: голос обещал перезвонить, когда всё уладится. Никто не перезвонил. Ночью она дважды вставала проверить, не пропустила ли звонок.

Утром она позвонила дочери — спросить про внука, осторожно, чтобы не напугать. Внук сидел дома и пил чай. Никакой аварии не было. Ни вчера, ни вообще.

В отделении у неё приняли заявление. Дальше выяснялись факты, один за другим, и каждый заканчивался одинаково. Номер, с которого звонили, больше не отвечал и был оформлен не пойми на кого. Голоса в трубке остались голосами — их не приложишь к бумаге.

Дело завели, и оно существует: папка, номер, её подпись под заявлением. Внутри папки — всё, что осталось от трёхсот тысяч: время у арки, тёмная куртка, средний рост. Самих денег в этом описании нет. Ни номеров, ни примет, ни направления, в котором они ушли.

Курьера видела она сама и, может быть, кто-то из прохожих. Тёмная куртка, капюшон, рост средний. Но опознать — не значит доказать: в руках у него побывал конверт, а конверт не расписывается в получении. Какие именно купюры ушли в тот вечер — не скажет никто, включая саму Тамару Ивановну.

Камера соседнего дома сняла в тот вечер двор: человек подошёл к арке, человек ушёл от арки. Конверта на записи не разглядеть, купюр — тем более.

Купюры не подписаны. У них есть серийные номера, но кто переписывает номера купюр, которые хранит дома в коробке. Через час после передачи её триста тысяч стали неотличимы от любых других трёхсот тысяч в городе. Может быть, одной из них в тот же вечер расплатились в магазине через дорогу — проверить нельзя.

Деньги не спрятались — они растворились.

Итог той среды уместается в одну строку. Ни денег, ни курьера, ни следа. Дословно: следа.

Артёму двадцать девять, он живёт в том же доме, двумя этажами выше. Он курьер — настоящий, с термобоксом и графиком, самозанятый. Развозит заказы по этому же району и знает подъезд Тамары Ивановны с обеих сторон двери.

В четверг, около десяти вечера, между двумя заказами, ему пришло уведомление из банка: зачисление, триста тысяч рублей. Он стоял у шлагбаума соседнего двора и перечитал строку дважды. Отправитель — незнакомая фамилия, назначение платежа — «оплата по договору». Никакого договора у Артёма не было: он ничего не продавал и трёхсот тысяч ни от кого не ждал.

Первая мысль была про работу: вдруг кто-то из заказчиков ошибся с чаевыми. Но чаевых на триста тысяч не бывает.

Деньги он не тронул. Открыл выписку и прочитал всё, что

о переводе было записано: от кого пришёл, из какого банка, в какую минуту, на какой счёт. Перевод лежал у него на счету — чужой, с именем и обратным адресом, как заказное письмо, доставленное не в ту квартиру.

В его собственной работе всё устроено так же, только мельче. Каждый заказ, который он возит, записан: кто отправил, кто принял, во сколько отдан. Если посылка теряется, спор идёт не о словах, а о записи. Он привык, что у вещей есть маршрут, — оказалось, у денег он тоже бывает.

Три дня чужая сумма провела рядом с его собственными деньгами, и все три дня было записано, чья она и как сюда попала. Ему не нужно было ничего доказывать и не от чего защищаться. Отправителю — тоже: у него на руках была та же запись, что у банка и у Артёма. Три экземпляра одной правды.

Утром позвонили из его банка: отправитель заявил об ошибочном переводе, спутал одну цифру в номере счёта, деньги просят вернуть. Проверять, кто кому что должен, не пришлось — весь маршрут этих денег был записан от начала до конца. Артём подтвердил возврат. На третий день триста тысяч ушли обратно тем же путём, каким пришли, и в выписке отправителя закрылся круг: вышли — вернулись.

Возрат не потребовал ни встречи, ни расписки, ни свидетелей. Два человека, не знакомых друг с другом, разошлись без спора, не увидев друг друга в лицо.

Спорить было не о чем. Не потому, что все участники

этой истории оказались честными людьми, — этого никто не проверял. А потому, что запись отвечала на каждый вопрос раньше, чем его успевали задать вслух.

Между двумя историями — один день и два лестничных пролёта. Триста тысяч Тамары Ивановны: сумма — конверт — следа нет — денег нет. Триста тысяч, пришедшие Артёму: сумма — запись — маршрут виден — деньги вернулись.

Сумма одна и та же, до рубля. Дом один и тот же, подъезд один. Одинаковые деньги — разная физика.

Они и сейчас здороваются у подъезда. Тамара Ивановна выходит утром в магазин, Артём сбегает по лестнице с термобором, придерживает ей дверь. Она кивает, он кивает. Про ту среду и тот четверг они друг с другом никогда не говорили.

Одно изменилось. Тамара Ивановна больше не берёт трубку с незнакомых номеров.

0.2. Правила этой книги

Кто написал эту книгу — здесь не сказано и не будет сказано до последней страницы. Ни имени, ни должности, ни ведомства. У безымянного текста есть одно честное свойство — его нечем подпереть, кроме содержания. Аргумент либо стоит на ногах, либо нет, и погоны автора не добавляют ему ни одной подпорки.

Поэтому первое, о чём просит книга, — проверяйте не автора, а аргументы. Это единственная просьба на ближайшие сто страниц.

Но два факта об авторе вы знать обязаны. Без них чтение этой книги превращается в ловушку, а ловушек здесь не будет.

Факт первый. Автор — противник анонимности денег и много лет не пользуется наличными вовсе: не платит ими, не берёт их, отказывается от сделок «только за нал» — включая выгодные. Его роль в этом деле объявляется сразу: сторона обвинения, и обвиняется бесследность денег. Сколько именно лет длится практика — цифра условная, как и все цифры здесь, но сама практика настоящая, со своей ценой, и цену книга не спрячет.

Одно уточнение сразу: жить так же книга вас не позовёт — ни разу, ни намёком. Чужая практика — данные для спора, а не образец для подражания.

Факт второй. Автор намерен вас переубедить. Эта книга — не нейтральный справочник, не обзор «за и против», не путеводитель по кнопкам. Она открытый спор, в котором автор — сторона, и честнее сказать это на второй странице, чем дать вам почувствовать на пятидесятой. Скрытое намерение работает как ловушка; объявленное — как условие честной игры.

Теперь — правила этого спора. Спор без правил — перепалка; раз уж намерение убеждать объявлено вслух, вслух должны быть объявлены и ограничения, которые книга накладывает на себя сама. Правила проверяемые: по каждой книге можно поймать за руку, и каждое действует отсюда до последней страницы.

— Каждое жёсткое слово будет оплачено — расчётом или механикой в том же месте, где произнесено. Если книга называет зарплату в конверте кражей, рядом будет показано устройство: что именно украдено и у кого. Разница между обвинением и агиткой не в силе слов, а в том, оплачены ли они. Жёсткое слово без доказательства — нарушение правила, и такое слово вы вправе не принимать.

— Страхи будут названы в полную силу и раньше ответов, а не после. Не «некоторые опасаются», а прямой речью, целиком — так, как вы бы сказали сами, или жёстче. Страх, пересказанный вполголоса, — например, «вопросы конфиденциальности» вместо «каждую мою покупку смогут прочитать», — это форма вранья. Здесь страхи будут звучать вто-

рым способом, и ответ придёт только после того, как страх отзвучал до конца.

— На три вопроса книга честно ответит: «полного ответа нет». Не спрячет их в сноски и не заговорит вокруг — назовёт, признает и оставит открытыми. Книге, которая уверенно отвечает на всё, не верят нигде, и правильно делают. Эти три места не будут смягчены и при вычитке: на них держится цена всех остальных ответов.

— Вопрос «а что скрываете вы?» не будет задан вам ни разу — ни прямо, ни лаской, ни шуткой мелким шрифтом. Обвинение в этой книге предъявляется форме денег, а не человеку с купюрой: миллионы людей, которые платят наличными, — не подсудимые в этом деле и не станут ими ни на одной странице. Один такой вопрос — и разговор сломан: вы из судьи превращаетесь в допрашиваемого, а допрашиваемый оправдывается, но не соглашается. Почувствовали себя подозреваемым — значит, правило нарушено, и нарушила его книга.

— Не будет запугивания отключением наличных. И вообще никаких пророчеств — ни о том, что купюра умрёт, ни о том, что цифра победит, ни в одну сторону, ни в другую. Пророчество — самый дешёвый ход в споре: его нельзя проверить на той странице, где оно произнесено, а значит, и оплатить нечем. Книга разбирает устройство, а не гадает.

— Не будет обещаний за ведомства. Автор не работает ни в банке, ни в министерстве, ни в Центральном банке — и

потому не может обещать за них ничего: ни что данные не утекут, ни что правила не поменяются. Фразу «ваши данные никто никогда не увидит» вы здесь не встретите — не потому, что она обязательно ложь, а потому, что автору она не принадлежит. О ведомствах говорится «они», и спрос с них — как с посторонних, без скидок.

— Слово «мы» в этой книге означает ровно одно: среду — людей, которые живут в одном городе и платят друг другу. «Мы» никогда не будет означать государство, банк или платформу; речи от их имени не будет. Подмена происходит незаметно: «мы позаботились о вашей безопасности» — и вот уже текст говорит голосом ведомства, а читатель разговаривает с плакатом. Услышали здесь такое «мы» — поймали книгу за руку.

— Цифры условные, формулы настоящие. Это сказано один раз — здесь — и дальше не повторяется. Ни одна условная цифра не будет выдана за статистику; каждая формула открыта, чтобы вы подставили свои числа и получили свой результат, а не чужой. Расчёт, который нельзя пересчитать самому, — не расчёт, а декорация, и таких не будет.

Список коротких обязательств выглядит скромно рядом с размером спора. Но у него есть свойство, которого нет у длинных клятв: его можно проверить. Заметьте, половина правил — о том, чего книга делать не будет; это не скромность — в споре о деньгах запреты, наложенные на себя, стоят дороже обещаний.

И последнее правило — оно принадлежит не книге, а вам. Вердикт остаётся за вами, целиком. Книга доказывает — решаете вы, и «нет» здесь полноценное решение, а не проигрыш читателя, которого не сумели уговорить. Цены у вашего «нет» не будет никакой: ни упрёка, ни мелкого шрифта вслед.

Если хоть одно правило из этого списка нарушится — вы вправе закрыть книгу на той же строке и выиграть спор без боя. Это условие честное: спор объявлен, правила произнесены вслух, судья назначен, и судья — не автор. Книга, нарушившая собственные правила, дочитывания не заслуживает, и никакая правота темы её не спасёт.

0.3. Предупреждение

У метро иногда раздают бесплатное: пробник, дегустацию, «подарок от фирмы». Взрослый человек в этот момент напрягается — и напрягается правильно. Бесплатное часто оказывается первой строкой счёта, который предъявят позже, когда уходить будет неудобно. Продавец ножей у выхода понимает это лучше покупателя: подарок обнуляет неловкость, а неловкость мешает уйти.

Эта книга устроена так, что такое подозрение к ней уместно. Сначала она будет полезной и покладистой, а спорить начнёт потом. Поэтому её план объявляется заранее, целиком, включая неприятное, — чтобы у подозрения не осталось работы.

Сначала будет аванс. Первые две части — ликбез и защита: чьи деньги лежат у вас в кармане и на карте, кто зарабатывает на каждом вашем платеже, что такое след физически — и что этот след даёт лично вам, когда деньги ушли не туда. Эти части ещё ни о чём не спорят. Там не с чем соглашаться и нечему сопротивляться — только устройство, которым вы пользуетесь каждый день не глядя.

Вопросы там будут простые на слух и неудобные на деле. Чьи деньги лежат в вашем кармане — точно ли ваши, и в каком смысле. Почему магазин платит за то, что вы расплатились картой, и в чью цену эта плата защита. Что именно

остаётся после платежа — и в чьих руках.

Один пример этой механики у вас уже есть. Перевод, вернувшийся отправителю за три дня, — младший случай того, что разбирают первые части: маршрут, запись, отзыв. Тогда это выглядело везением; дальше у везения обнаружится устройство.

Слово «защита» в этих частях означает конкретные вещи, а не настроение: возможность доказать, что платили; возможность вернуть ушедшее по ошибке или обману, пока виден маршрут; документ, который спорит вместо вас, когда спорить придётся.

Порядок здесь — не вежливость, а необходимость. Спор, начатый до ликбеза, — спор о словах, которые стороны понимают по-разному, и выиграть в нём нельзя, можно только перекричать.

Аванс — не подарок от фирмы. Он ценен сам по себе и остаётся вашим при любом вердикте: понимание устройства денег не обязывает полюбить ни одну их форму. Можно взять из этой книги две части и выйти — это честная сделка, и дверь не заперта. Эти части написаны для читателя с обложки, того, который не доверяет: недоверие там не лечат, им пользуются — проверять аргументы удобнее, когда не веришь на слово.

Потом будет глава, которая вам не понравится. Глава-прейскурант: в ней преступные деньги названы по именам — обнал, взятка, конверт, — и посчитано, кто на самом деле

оплачивает их удобство. Считаться будет без эвфемизмов и без скидок на то, что счёт выйдет неудобным.

Чем та глава не будет, тоже скажу сейчас. Не проповедью: в ней никого не зовут к свету. Не списком ваших грехов: ваши платежи в ней не обсуждаются вовсе. Это опись чужого удобства — посчитанная, с открытыми формулами, которые можно пересчитать и оспорить.

Не понравится она не потому, что обвинит вас. Правило четвёртое остаётся в силе на каждой её странице: обвиняется форма денег, не человек с купюрой. Неприятной её делает другое: честно посчитанный счёт оказывается общим, а платить по общим счетам не нравится никому — автору тоже.

Предупреждаю об этой главе сейчас, по одной причине. Если промолчать, порядок книги будет выглядеть приёмом: сначала вас подкупили ликбезом и защитой, а когда вы расслабились — предъявили счёт. Такой приём существует, им пользуются, и он работает. Именно поэтому здесь он объявлен до аванса, а не обнаружен после счёта.

Вернитесь мысленно к дегустации у метро. Раздражает не вкус бесплатного — раздражает момент, когда выясняется, что это была первая страница договора. Убрать раздражение можно единственным способом: показать договор целиком до первого глотка. Эта страница и есть тот договор.

Предупреждённый читатель свободнее непредупреждённого. Вы вправе читать первые две части, зная, что дальше будет жёстче, и решать на каждой странице, идти ли дальше.

Ловушка отличается от маршрута ровно этим: о маршруте сообщают заранее. И готовьте возражения по дороге — спор честнее, когда обе стороны пришли вооружёнными.

В конце книги — четыре вещи. Первая: страхи, названные в полную силу, прямой речью, раньше ответов — про файл, в который собирается жизнь, про кнопку, которой можно ограничить деньги, про запись, которая переживёт сегодняшние законы. Формулироваться они будут не слабее, чем сформулировали бы вы, — это обещание из списка правил, и проверяется оно легче всех. Между признанием каждого страха и ответом будет пауза: страх дослушивают до конца, прежде чем отвечать, и три ответа, как обещано, останутся честно неполными.

Вторая: глава о подписи — самая спорная в книге. В ней прозвучит слово «взрослость», вынесенное на обложку, и спор пойдёт в полную силу — с сильной версией вашего несогласия, а не с удобной. Возражение против неё будет произнесено от первого лица, целиком и раньше ответа.

Третья: журнал одного упрямца — годы жизни без наличных, поданные как данные: даты, суммы, сорванные сделки, потерянные деньги. Не история успеха — ведомость, с графой убытков. Если по ведомости выйдет, что упрямство обходится дорого, так и будет напечатано: подгонка цифр запрещена и в счетах против автора.

Четвёртая: семь действий на последних страницах. Семь — не программа и не лестница: из них выбирают, а не про-

ходят по порядку. Каждое сформулировано глаголом, который выполним сегодня, — «откройте», «проверьте», — а не пожеланием «задумайтесь»; и среди семи не будет ни одного со словом «пора». Одно из них — «ничего не делать».

«Ничего не делать» стоит в списке не для утешения. Это полноценное действие взрослого человека, у которого были аргументы, было время и было право решать — и который решил так. Книга, назвавшая такое решение поражением, соврала бы в последней главе и перечеркнула всё, что говорила до этого.

Предупреждение сделано.

Часть I. Три формы денег

Спросите человека, сколько у него денег, — он ответит быстро: столько-то в кошельке, столько-то на карте, что-то на вкладе. Спросите, чьи это деньги, — он удивится вопросу. Мои, чьи же ещё.

Слово «мои» в этих ответах означает разные вещи, и в двух случаях из трёх «мои деньги» на проверку значит «мне должен банк». Кто должен, чем этот долг обеспечен и что бывает, когда должник отдать не может, — этого не знает почти никто из тех, кто пользуется деньгами каждый день. Не потому, что это тайна: просто ни разу не было повода спросить.

Впереди три вещи, которые стоит знать про деньги до всякого спора о них. Первая: за каждой формой денег стоит чьё-то обязательство — и есть или нет посредник между вами и этим обязательством. Вторая: каждый платёж что-то стоит, и его цена зашита в цену товара — вы платите её даже там, где уверены, что платите бесплатно. Третья: след — не оценка и не обвинение, а физическое свойство денег; одни его оставляют, другие — нет.

Представьте стол. На него по очереди лягут три предмета: купюра, карта и третья форма, о которой большинство слышало краем уха. Про каждый из них стоит знать главное: чьё это обязательство и кто стоит между вами

и ил.

Глава 1. Чьи деньги у вас в кармане

Пятитысячная в кошельке и пять тысяч на карте выглядят одними и теми же деньгами. Тратятся одинаково. Называются одинаково — «мои». Но по устройству это два разных предмета, и разница между ними выясняется в одном-единственном случае — неприятном.

В обычный день разницы не видно: касса принимает и то и другое, приложение показывает остаток, к вечеру обе суммы тают с одинаковой скоростью. В плохой день выясняется, что одна из них — вещь у вас в руках, а другая — чьё-то обещание. Обещания бывают надёжными. Но у надёжности бывает предел.

Взрослый разговор о деньгах начинается не с курсов и не со ставок — с вопроса, кому что принадлежит и кто кому должен. Ответ короче, чем кажется. А начинается он с первого предмета на столе.

1.1. Купюра: обязательство без посредника

Достаньте из кошелька купюру. Любую — пусть будет сотня. Бумага, водяные знаки, номер серии и надпись, которую вы видели тысячу раз и ни разу не читали: «Билет Банка России».

Написано там, в сущности, вот что: центральный банк страны должен предъявителю сто рублей. Не вам по имени и фамилии — предъявителю, то есть тому, у кого бумага в руках. Это и есть купюра юридически: обязательство центрального банка на предъявителя. Одна фраза, и никаких статей с параграфами к ней не прилагается — этой фразы хватит на всю книгу.

Заметьте, чего у этого обязательства нет. У него нет срока годности: сотня, найденная в кармане старого пальто, работает так же, как только что выданная банкоматом. Его не нужно включать, продлевать или подтверждать. Бумага целая — обязательство в силе.

По-человечески она звучит так. Купюра — расписка самого крупного должника страны, и расписался он не перед конкретным человеком, а перед самой бумагой: кто принёс, того и деньги. Купюре не важно, как вы её получили — заработали, нашли на остановке, взяли сдачей в булочной. Пока бумага у вас, обязательство обращено к вам.

Из слова «предъявитель» вырастает быт, настолько привычный, что его никто не замечает. Сотня переходит из рук в руки без всякого оформления: сдача продавцу и от продавца, долг соседу, деньги ребёнку на обед. Никто нигде не расписывается, ничьё имя не звучит, и тем не менее собственность каждый раз переходит полностью и окончательно. Само вручение бумаги — уже вся сделка.

У предъявительского устройства есть ещё одно тихое

следствие: купюра одинакова в любых руках. Сотня школьника и сотня министра — одно и то же обязательство одной и той же силы. Бумаге не важно, кто вы, сколько вам лет и какой у вас стаж отношений с банками. У неё попросту нет способа делить владельцев на подходящих и неподходящих.

Между вами и обязательством никого нет. Чтобы владеть купюрой, не нужно быть чьим-то клиентом, пользователем или абонентом. Не нужен договор, не нужен счёт, не нужен пароль — не нужно вообще ничьё согласие.

Сравните с любыми другими деньгами в вашей жизни. Чтобы получать зарплату, нужен счёт; чтобы был счёт — договор с банком; чтобы войти в приложение — пароль, а к паролю телефон, а к телефону связь и зарядка. Каждое звено этой цепочки кто-то обслуживает. И каждое звено может отказать — редко, но может.

Каждый, кто менял телефон, знает это ощущение. Деньги вроде бы твои, но между тобой и ними — коды подтверждения, старый номер, вопросы поддержки. Ничего страшного: к вечеру всё восстановится. Но сам вечер уходит на то, чтобы заново получить доступ к собственным деньгам.

Купюра из цепочки выпадает целиком. У неё нет банка, который закрывается на ночь и на праздники. Нет приложения, которое обновится в неудачный момент и попросит подтвердить личность. Нет службы поддержки, потому что поддерживать нечего: бумага в кармане — вот и всё устройство.

Отсюда первое бытовое следствие, которое каждый видел

своими глазами. Когда в районе гаснет свет и кассы с терминалами встают, ларёк у остановки продолжает торговать — за наличные. Когда на трассе терминал «не видит сеть», а в деревне связь ловится на одном пригорке, расчёты идут из рук в руки, и день не останавливается. Купюра работает при отключённом свете — не в переносном смысле, а в самом прямом.

Рынок выходного дня живёт на этом свойстве целиком. Бабушка с рассадой у метро не подписывала договоров и не ставила приложений — ей достаточно кармана фартука. Подросток, которому заплатили за вымытую машину, стал полным владельцем своих денег в ту же секунду, без единой подписи и без чьего-либо одобрения. Для доброй половины мелкой городской жизни купюра — не запасной вариант, а основной инструмент.

Есть и второе следствие, менее заметное, потому что его заслоняет привычка. Каждый платёж по карте — по устройству просьба: вы просите систему провести операцию. Система соглашается почти всегда и почти мгновенно, поэтому просьба не ощущается просьбой. Но ответ «нет» в этой конструкции существует, и каждый его слышал: терминал «думает», связь пропала, «оплата картой временно не работает», попробуйте позже.

Вспомните очередь, замершую перед терминалом, который «думает». Десять человек с полными корзинами зависят в эту минуту от связи между кассой и банком — от линии,

которую никто из них не видит и не контролирует. Тот, кто стоит в той же очереди с наличными, не зависит ни от чего. Его платёж пройдёт при любой погоде на линии.

С купюрой просить некого. Передача из рук в руки — не запрос на платёж, а сам платёж, законченный в момент передачи. Его нельзя «не провести», потому что проводить нечего: деньги уже перешли. Чтобы отдать сто рублей соседу, не требуется ничьё разрешение — ни банка, ни оператора связи, ни государства.

Поэтому купюра — единственные деньги, которые вы держали в руках буквально. Всё остальное, что в быту называется деньгами, живёт в чужих записях, а к записям прилагается тот, кто их ведёт. Купюра ни в чьих записях не живёт: она сама и есть деньги, целиком, без представителя.

Слово «буквально» здесь не украшение. Купюры можно пересчитать на ладони, разложить стопками на столе, вложить внуку в открытку на день рождения. С ними можно сделать всё то, что человек делает с вещью, — потому что это и есть вещь, а не отчёт о вещи.

Эту силу нужно назвать полностью, без скидок. Купюра не спрашивает разрешения. Купюра не зависит от посредника, потому что посредника нет. Купюру в вашем кармане нельзя отключить, заморозить или заблокировать на расстоянии: пока бумага при вас, обязательство при вас, и встать между вами некому — некуда вставать.

Проверьте эту формулировку на прочность: попробуйте

придумать, кто и как мог бы помешать вам расплатиться сотней из собственного кармана. Для этого пришлось бы физически забрать бумагу — прийти и взять её из рук. Никакого распоряжения на расстоянии для купюры не существует: у неё нет канала, по которому такое распоряжение могло бы прийти.

Это сила, а не пережиток, и здесь она записана честно, в полную величину. Запомните её именно такой — она понадобится в главе 10, где разговор пойдёт о кнопке и о том, в чьих она руках. Первый предмет лежит на столе: бумага, за которой никого нет между вами и обязательством.

1.2. Деньги на карте: долг банка перед вами

День зарплаты. Телефон вздрагивает, на экране уведомление: зачислено столько-то. Картинка в голове привычная — деньги «пришли на карту» и теперь «лежат на счёте», как лежали бы в ящике стола.

Теперь вопрос в лоб: где именно они лежат? Не в самой карте — пластик пуст, это ключ от денег, а не деньги. Не в отделении банка: там нет ячейки с вашей фамилией, куда работодатель занёс бы пачку купюр. И не в хранилище: никакой «вашей стопки» там не отложено.

Ответ короче, чем ожидаешь: нигде. Зарплата не лежит нигде. Есть запись в учёте банка: банк должен такому-то кли-

енту столько-то рублей. В день зарплаты изменилось число в этой записи — вот и всё зачисление.

Само слово, кстати, из учётной книги: «зачислено». Зачисляют запись, а не вещь; вещь приносят, привозят, кладут. Язык банка здесь точнее бытовой картинке — он никогда и не обещал, что что-то где-то лежит.

Попробуйте объяснить это ребёнку — на этом месте обычно и выясняется, что объяснять нечем. «Где лежат деньги с карточки?» — вопрос, на который взрослый отвечает жестом в сторону банка. Но в банке лежат не ваши деньги, а учётная книга, в которой про вас есть строка. Строка — вот всё, что там лежит.

Проследите путь зарплаты назад, и картинка станет совсем прозрачной. Работодатель не возил в банк мешок наличных: у него была своя запись в своём банке, и его число уменьшилось. Ваше — увеличилось. Деньги никуда не ехали: поменялись два числа в двух учётных книгах.

С этой поправкой иначе читается и выписка по счёту. Это не опись содержимого сейфа — содержимого нет. Это история долга: сколько банк вам должен сегодня, сколько был должен вчера и по каким поводам долг менялся. Слово «остаток» в приложении означает остаток долга.

Дальше законный вопрос: что банк делает с деньгами, которые вам должен? Работает ими. Из остатков на счетах — вашем и тысячах соседних — банк выдаёт кредиты, вкладывает в то, что приносит доход, и живёт на разнице. Ваш оста-

ток — его рабочий материал.

При этом никакой отдельной «вашей» части в работе банка не выделено. Остатки клиентов сливаются в общий поток, и ваши десять тысяч нельзя проследить до конкретного кредита — условно говоря, сегодня они растворены в чьей-то ипотеке и в чьём-то займе на ремонт. Банк должен вам сумму, а не купюры: вернёт любыми десятью тысячами, не теми же самыми.

Это можно проверить на ощупь, по процентам. За хранение вещи обычно платит владелец вещи: за ячейку, за склад, за гараж. С деньгами на счёте всё наоборот — банк сам приплачивает вам процент на остаток. Так не бывает с хранением; так бывает с займом, где платит тот, кто деньгами пользуется.

Мысленный опыт для проверки. Представьте банк, который действительно хранит: каждую зарплату откладывает в ячейку, ничего не трогает, ждёт. Такому банку не с чего платить вам процент — наоборот, он выставил бы счёт за место, как выставляет склад.

Здесь важно не съехать в интонацию разоблачения, потому что разоблачать нечего. Так банк устроен по определению: брать деньги у одних, отдавать в рост другим, зарабатывать на разнице. Этому устройству триста лет, оно описано в любом учебнике и никогда ни от кого не пряталось. И все триста лет оно в целом всех устраивало: вкладчик получает процент, заёмщик — кредит, банк — доход.

Устройство это старше пластика и приложений. Сберегательная книжка, которую бабушка держала в серванте, была ровно тем же — записью долга, только чернилами: приход, расход, остаток. С тех пор сменился носитель записи — бумага, пластик, экран, — но не её природа. Долг банка как был долгом, так и остался.

Обычные операции в этой картине тоже встают на свои места. Снятие наличных в банкомате — юридически возврат долга: банк отдаёт вам часть того, что должен, бумагой на предъявителя. Оплата картой в магазине — переадресация долга: банк перестаёт быть должен вам и через цепочку записей становится должен продавцу. Вы тратите не вещь — вы распоряжаетесь чужим обещанием.

Звучит непривычно, но в повседневности ничего не меняет. Обещание банка принимает магазин, принимает коммунальная служба, принимает другой банк. Обещания надёжного должника сами ходят как деньги — это и есть вторая форма.

Теперь сам поворот. Слово «мои» о деньгах на карте означает «мне должны». Это точное юридическое содержание: у вас нет вещи — у вас есть должник. Надёжный, крупный, с лицензией и отчётностью, но должник.

Грамматика тут честнее привычки. Про пять тысяч, одолженные соседу, никто не говорит «мои деньги лежат у соседа» — говорят «сосед мне должен». Банку доверия больше, чем соседу, и на то есть причины. Но грамматика отношения

та же: должен.

Сравните со вчерашним первым предметом. У купюры посредника не было вовсе; у денег на карте он не просто есть — он и есть вся конструкция. Убрать банк из купюры нельзя, потому что его там нет. Убрать банк из карты нельзя, потому что без него не останется ничего: ни записи, ни доступа, ни долга.

В обычной жизни эта разница неощутима, и в этом сила второй формы. Должник платит по первому требованию, круглосуточно, из любого банкомата, и обещание работает неотличимо от вещи. Миллионы людей десятилетиями живут с этим обещанием, и оно их не подводит.

В три часа ночи, в чужом городе, на другом краю страны банкомат отдаёт долг по первому касанию — по безотказности это лучший должник, с каким обычный человек вообще имеет дело. Обещание очень похоже на вещь — ровно до дня, когда его нужно исполнить целиком.

На столе теперь два предмета, устроенные противоположно. Бумага, которой никто не нужен, чтобы быть деньгами, — и запись, которая целиком держится на способности должника платить. «Мои» во втором случае значит «мне должны». А у всякого «должны» есть один-единственный день, когда слово проверяется на разрыв.

1.3. Когда банк не может отдать

Кадр знаком каждому, даже если фильма не вспомнить: закрытые двери банка, а перед ними очередь. Люди стоят с утра, двери не открываются, на стекле табличка. Кто-то ещё стучит, кто-то уже нет.

Кино любит эту сцену за наглядность: беда, которую видно без единого слова. Но картинка не выдумана — её снимали с натуры. У части читателей она и вовсе не из кино: своя очередь, свой банк, своя табличка на стекле.

Присмотритесь к людям в этой очереди — в ней есть деталь, которую кино не подчёркивает. У каждого документы в полном порядке: договор подписан, записи верны, банк действительно должен им ровно столько, сколько они называют. Спора о долге нет. Есть должник, которому нечем платить.

Это и есть тот единственный день, когда «мне должны» проверяется на разрыв. Слово этому событию — банкротство.

Банк работал деньгами вкладчиков: выдавал кредиты, вкладывал, зарабатывал на разнице. Кредиты не вернулись, вложения подешевели — причины бывают разные, итог один: записей о долгах больше, чем возможности их исполнить.

В обычный день это незаметно, потому что за деньгами приходят немногие и понемногу. Очередь у дверей — это

все записи сразу, предъявленные в одно утро. Никакой банк, устроенный как банк, такой встречи не выдерживает. Не потому, что он плох, а потому, что он банк.

Справедливости ради, до очереди доходит редко. Вывески банков, которых больше нет, помнит любой город: вчера отделение, сегодня объявление об аренде. Большинство таких закрытий прошло тихо, без всяких дверей и табличек — их погасила страховка. Очередь — крайний кадр; но правило, которое он показывает, действует и в тихих случаях.

Первого предмета на столе всё это не касается. У купюры между вами и обязательством некому обанкротиться: посредника нет, значит, нет и его плохого дня. Уязвимое место второй формы — ровно там, где её отличие от первой.

Защита у второй формы есть, и она настоящая. Вклады застрахованы: если банк платить не может, застрахованную часть возвращает система страхования — общий запас, собранный с банков заранее, именно на такой случай. Возвращает деньгами, через другой банк, обычно без долгого ожидания.

Важная особенность этой защиты — вкладчику не нужно было её покупать. Никакого отдельного полиса, заявления заранее, галочки в договоре: для обычных счетов страховка включена самим фактом того, что банк — банк. Многие узнают о её существовании в тот же день, что и о банкротстве, — и это единственная приятная новость такого дня.

Для большинства людей с обычными остатками это по-

крывает всё. Очередь у дверей в их случае заканчивается не потерей, а хлопотами: заявление, ожидание, новые реквизиты. Неприятно, но обратимо.

У страховки есть предел — она действует в пределах определённой суммы. Числа здесь не будет, и это принципиально: числа меняются быстрее, чем живут книги, а книга не хочет врать вам устаревшей цифрой. Важно не число, а сам факт черты. Страховка — до черты, и черта у неё была всегда.

Предел — не жадность и не мелкий шрифт, а устройство. Общий запас собран с банков и конечен, поэтому рассчитан на главное: чтобы обычный человек с обычными деньгами не потерял их из-за чужих решений. Чем дальше сумма от обычной, тем меньше страховка считает её своей заботой. И ещё одна черта устройства: предел относится к должнику, а не к карточке — несколько счетов в одном банке остаются одним долгом одного должника.

Про черту мало кто помнит, и это не упрёк памяти. Повода помнить не было: пока банк платит, предел страховки — самая скучная строчка договора. Люди годами держат на счетах суммы, ни разу не сверив их с этой строчкой.

Выше черты чаще всего оказываются не богачи, а обычные люди в короткие моменты жизни. Продали квартиру, получили наследство, собрали семьёй на первый взнос — и деньги лежат на счёте недели, пока идёт сделка. Ровно те недели, когда про черту стоило бы вспомнить, — и ровно те,

когда о ней думают меньше всего: голова занята другим.

Осталось договорить неприятное до конца, тем же ровным голосом. Сумма сверх предела не сгорает и не списывается — она остаётся долгом. Но по эту сторону черты вы уже кредитор в общей очереди: рядом такие же вкладчики, оказавшиеся за чертой, а дальше по списку — компании со счетами в этом банке и все прочие, кому он должен. Очередь делит то, что от банка осталось; иногда достаётся много, иногда мало, всегда — не скоро.

Сама процедура буднична, как опись имущества. Приходит управляющий, собирает всё, что у банка есть, — выданные кредиты, здания, вложения, — продаёт и из вырученного платит по списку, сверху вниз. Никто никого не обманывает: просто на всех не хватает, для того список и существует.

Ничего исключительного в этом статусе нет. Так закрывается любой несостоятельный должник — от соседа до завода: имущество собирают, долги считают, кредиторов выстраивают по порядку. Просто про соседа никто не говорит «мои деньги лежат у него», а про банк — говорят. Черта страховки — то место, где слово «должны» перестаёт быть формальностью грамматики.

Вот теперь картина второй формы полная, без умолчаний в обе стороны. Деньги на карте — долг банка; долг застрахован — до предела; сверх предела — общая очередь. Три коротких факта, и все три были правдой ещё вчера, когда вы

о них не думали.

Дальше — одно действие, и оно целиком ваше. Прикиньте, хотя бы примерно, свой обычный остаток — тот, что живёт на счетах между зарплатами, и тот, что отложен. По какую сторону черты он находится, знаете только вы.

1.4. Третья форма

Теперь на стол ложится третий предмет. Потрогать его не получится: у него нет ни бумаги, ни пластика. Есть строка в банковском приложении — у кого-то она уже появилась, у кого-то ещё нет, — и называется она цифровым рублём.

Говорят про него разное, и разговоры успели сделать ему репутацию раньше, чем большинство рассмотрело устройство. Устройство между тем собирается из двух предметов, которые уже лежат на столе. Изобретать ничего не придётся — только сложить понятное.

Порядок здесь принципиален: сначала устройство, потом мнения. Мнение о вещи, устройство которой неизвестно, — это мнение о слухах, и спорить с ним так же бесполезно, как соглашаться. Устройство займёт страницу.

По природе цифровой рубль — как купюра: обязательство центрального банка. Должник тот же самый, что расписался на сотне из вашего кошелька, — не коммерческий банк, не приложение, не платёжная система. По форме он — как деньги на карте: запись, а не вещь. Обязательство ЦБ, но в

записи — вот и всё определение, других слов не потребуется.

Расстановка на столе теперь читается одной строкой. У купюры — обязательство ЦБ и никакого посредника. У карты — запись и посредник-должник. У третьей формы — обязательство ЦБ и запись: должник от первого предмета, форма от второго.

Из определения сразу видно, что происходит при пополнении такого кошелька. Это не перекладывание денег из кармана в карман — это смена должника. Была запись «банк должен вам столько-то» — стала запись «центральный банк должен вам столько-то». Долг коммерческого должника обменян на долг того, кто выпускает сами рубли; сумма та же, обязательство другое.

А вот первый и третий предметы должника не различают вовсе. Сотня бумагой и сотня в цифровом кошельке — один и тот же долг центрального банка на двух разных носителях. Обменять одно на другое — значит поменять носитель, а не обязательство. Это единственная пара на всём столе, у которой должник общий.

Здесь возникает законная путаница, и разобрать её лучше руками. Кошелёк цифрового рубля открывается через привычное банковское приложение — то же, где карта и остаток. Выглядит это как ещё один счёт в банке. Но сходство обманчиво, и у обмана простая причина: вы смотрите на дверь и думаете, что смотрите на хранилище.

Банк здесь — дверь, а не хранилище. Через его прило-

жение вы входите к своим цифровым рублям, но лежат они не у банка: запись ведёт платформа центрального банка, и должны вам не в банке. Подъездная дверь открывает дорогу к квартире, но квартира ей не принадлежит. Сломалась дверь — неудобно; квартире всё равно.

У различия двери и хранилища есть измеримая цена. Хранилище отвечает за содержимое: что лежит у должника, то делит его судьбу. Дверь отвечает только за проход. Всё, что случится с дверью, — это история про доступ, не про деньги.

Из той же расстановки вытекает ещё одно отличие от второго предмета: этими деньгами банк не работает. Цифровой рубль — не остаток на банковском счёте и не рабочий материал банка; кредитов из него дверь не выдаёт, потому что он не её. Вспомните мысленный опыт с банком-хранилищем: кто деньгами не пользуется, тому не с чего платить за них процент. Дверь берёт своё с прохода, а не с квартиры.

Отсюда строго следует первое следствие — то, ради которого стоило читать про очередь у закрытых дверей. Банкротство банка этих денег не касается. Обанкротилась дверь — квартира на месте: запись живёт не в банке, и в общую очередь кредиторов цифровые рубли не встают. Доступ со временем откроют через другую дверь; сами деньги никуда не переезжали, потому что в двери никогда и не лежали.

У кого нет должника-посредника, у того нет и его банкротства; ровно то же самое верно и для купюры. Третья форма наследует свойство не потому, что она чем-то лучше, а

потому, что должник тот же.

Второе следствие такое же прямое, и произнести его нужно тем же ровным голосом, без паузы и без нажима. У этих денег есть след: запись о том, откуда и куда прошёл каждый рубль, существует и хранится. Видит её оператор платформы — центральный банк. Не ваш банк-дверь и не магазин, в котором вы платили: у следа свой адресат, и это третий участник, а не два привычных.

Это факт конструкции, а не оценка. Хорош такой след или опасен, на каких условиях и кому он открывается, что он даёт и во что обходится — большой разговор, и книга обещает провести его в полную силу, с самыми неудобными вопросами. Здесь след кладётся на стол как свойство предмета: у бумаги его нет, у записи он есть, адресат назван.

Важно только одно уточнение, чтобы факт был честным до конца. След не включается и не выключается по желанию сторон — он свойство носителя, как вес у предмета: есть, кому бы предмет ни принадлежал и что бы им ни оплачивали. Покупая хлеб цифровым рублём, вы оставляете запись той же природы, что и покупая что угодно ещё. Свойство не выбирает случаев — потому оно и свойство.

Третий предмет лёг рядом с первыми двумя — не вместо них. Стол — не витрина, где просят выбрать один товар; купюра и карта остались лежать, где лежали, и никуда не денутся. Просто теперь на столе всё, чем можно заплатить.

1.5. Что сделать сегодня

Разговор о трёх формах кончается не выводом, а действием, и действие займёт минуту. Ничего решать и ни с чем соглашаться не понадобится. Нужны кошелёк, телефон и любая ровная поверхность — стол, который всю главу был воображаемым, наконец может стать настоящим.

Кухонный вечером подойдёт лучше всего: осмотр не любит спешки, хотя и занимает минуту. Разложите всё так, как раскладывала глава, — слева бумага из кошелька, посередине пластик, справа телефон с открытым приложением. Порядок не обязателен, но с ним видно главное: предметов действительно три.

Сначала откройте кошелёк. Купюры, которые там лежат, — первая форма: обязательства центрального банка на предъявителя, вещи в полном смысле слова. Пересчитывать не обязательно. Достаточно посмотреть на них другими глазами — глазами человека, который знает, что держит.

Мятая сотня в отделении для мелочи, пятитысячная, отложенная на всякий случай, монеты в кармане куртки — при всей разнице в достоинстве это один и тот же должник и одна и та же конструкция. Обязательств на предъявителя у вас ровно столько, сколько бумажек и металлических кружочков. Сумма здесь не важна: упражнение не про то, сколько у вас денег, а про то, какие они.

Если захочется, перечитайте ту самую надпись: «Билет Банка России». Утром она была орнаментом — теперь читается как расписка. Это, пожалуй, самое дешёвое превращение, какое случается с текстом: сами буквы не изменились ни на волос.

Потом откройте приложение банка. Число на главном экране — вторая форма: долг банка перед вами. Вчера это число называлось «мои деньги на карте»; название можно оставить, оно короче и всем понятно. Просто теперь у вас есть его точный перевод — «мне должны».

Точность — не тревога: должник перед вами исправный и до сих пор вас не подводил. Просто точные слова о деньгах служат дольше приблизительных.

Если счетов несколько — зарплатный, накопительный, вклад, — не ищите среди них разных форм: это разные полки одной. Каждый рубль на любой из них — долг того же должника, только на разных условиях: где-то под процент, где-то до востребования. Полки можно перебирать сколько угодно, форма от этого не меняется. Вклад отличается от зарплатной карты сроком и процентом, а не природой: обещание с расписанием остаётся обещанием.

Третье действие — самое короткое. Поищите в том же приложении раздел с цифровым рублём. Есть — значит, вы только что увидели все три формы денег своими глазами, не вставая из-за стола. Нет — увидите позже: разделы появляются постепенно, и спешки здесь нет никакой.

Где именно прячется раздел, зависит от приложения, и описывать дорогу бессмысленно: у каждого она своя и меняется от обновления к обновлению. Важно другое: если раздел есть, за ним — та самая дверь. Отсутствие раздела стола не портит: третий предмет вы уже знаете по устройству, а устройство в приложении не хранится.

Заметьте, чего в этих трёх действиях не было. Никто не просил открывать кошелёк цифрового рубля, заводить, пополнять, пробовать. Посмотреть — не значит войти: осмотр не покупка, у витрины не берут обязательств.

Глава ничего у вас не просит — ей было важно только, чтобы вы увидели стол целиком. Не было и слова «решите»: решать здесь нечего, выбор никому не предлагался. Сегодняшний глагол — «посмотреть», другого не будет.

У этой скупости есть причина. Осмотр без обязательств разрешает тот, кто уверен в предмете: товар, который нельзя разглядывать, обычно нельзя и хвалить. Право смотреть и ничего не подписывать остаётся при вас на каждой странице этой книги.

Зачем это делать руками, если всё уже прочитано? Затем, что прочитанное живёт до вечера, а увиденное в собственном кошельке остаётся. Одно дело — знать, что остаток на карте называется долгом банка. Другое — посмотреть на своё число и мысленно произнести перевод.

Разница та же, что между картой города и прогулкой: маршрут, пройденный ногами, не нуждается в запоминании.

Ваш кошелёк и ваш экран — короткая прогулка по всей главе.

У большинства осмотр кончится одинаково, и это стоит сказать заранее, чтобы не удивляться. Почти всё окажется во второй форме: наличных — на день-другой, долга банка — на месяцы вперёд. Это не хорошо и не плохо, это просто опись ваших денег — которую вы сегодня впервые увидели с подписями, чьё где обязательство.

Бывает и обратная опись: почти всё — первой формой, наличными, а карта — на случай. Такая опись ничем не хуже, и объясняться за неё не нужно: у осмотра нет правильного результата, есть только точный. Книга выдала подписи к предметам — остальное ваше.

Опись к тому же живая: завтра числа будут другими, послезавтра — третьими. Меняться будет арифметика. Природа предметов — кто должник и есть ли посредник — останется прежней, и повторять осмотр ради неё не придётся: такое видят один раз.

Цена упражнения, посчитанная честно: минута времени и ноль рублей — ни одна из трёх форм не взяла с вас за осмотр ничего. Заплатить пришлось разве что привычкой — словосочетание «мои деньги» больше не будет звучать так просто, как звучало утром.

Есть соблазн назвать эту перемену потерей — простых слов всегда жаль. Но сверьтесь с ощущением: стало ли тревожнее? Едва ли. Знание о том, как устроены собственные

деньги, тревожит меньше догадок о том же самом: догадка всегда мрачнее описи.

Вопрос, вынесенный в заголовок, звучал почти праздно. Чьи деньги у вас в кармане — понятно чьи: мои, чьи же ещё. Теперь у вопроса есть взрослый ответ, и он оказался длиннее одного слова: в кармане — обязательство центрального банка перед предъявителем; на карте — долг коммерческого банка, застрахованный до черты; в третьей форме, если она уже видна из вашего приложения, — снова долг центрального банка, только записанный.

Стол собран. Три предмета, и про каждый известно главное — чьё это обязательство и стоит ли кто-то между вами и им. Никто не спросил вашего согласия и не предложил ничего выбрать: знание о собственных деньгах — не сделка, у него нет цены и условий. Проверка заняла минуту и не стоила ни рубля — а «мои» с этого дня означает ровно то, что означает.

Глава 2. Кто зарабатывает на ваших платежах

На ценнике стоит одно число. Внутри него — несколько, и одно из них покупателю не показывают никогда. Это плата за сам платёж: за то, что деньги дошли от вашей руки до кассы, кто-то берёт свою долю — молча, из цены, до того, как вы эту цену увидели.

Странность не в том, что доля существует. Дорога от кошелька до кассы — тоже дорога: её кто-то построил, кто-то чинит, кто-то охраняет, и дорожный сбор здесь так же естественен, как на любой другой дороге. Странность в другом: сбор платят все, кто пришёл в магазин, — включая тех, кто по этой дороге не ехал. Цена на полке одна, и невидимая строка сидит в ней для каждого.

У строки есть даже своё обаяние. Часть её возвращается плательщику обратно — и возвращается под именем подарка, за который принято испытывать благодарность. Возвращённое своё легко принять за подаренное чужое; на этой ошибке держится немалая часть нежных чувств к пластиковой карте.

Эта глава — очки. Надеть их — минутное дело, снять потом не получится: цена платежа будет видна в каждом чеке, в каждом ценнике, в каждом «выгодном предложении». Видеть её не больно. Просто до сих пор её видели все участ-

ники сделки, кроме одного — того, кто платит.

2.1. Комиссия, зашитая в цену

У продавца возле вашего дома на кассе стоит терминал. Маленькая коробка, к которой прикладывают карты. Каждое такое прикосновение стоит продавцу денег: банк удерживает с него процент от суммы — плату за приём карт, которую в договорах зовут эквайрингом. Слово можно сразу забыть: по-русски это комиссия за то, что ваши деньги дошли до его счёта.

Сколько именно — в каждом договоре по-своему, и здесь важен не тариф, а порядок величины. Пусть будет условно два процента с каждой оплаты картой; цифра условная и дальше работает именно как условная. С покупки на тысячу рублей продавец отдаёт банку двадцать. С дневной выручки в пятьдесят тысяч — тысячу. Каждый день, круглый год, за каждое прикосновение карты к коробке.

Эти два процента не достаются кому-то одному. Внутри них — делёж на несколько рук: банк, выпустивший вашу карту, забирает свою часть; банк, обслуживающий продавца, — свою; система, которая соединяет первых со вторыми, — свою. Ни одна из рук не видна у кассы. Покупатель прикладывает карту к коробке, слышит писк — и в этот писк умещается работа трёх посредников, каждый из которых получил долю с его хлеба.

Для продавца всё это — не теория, а строка в месячном отчёте. Она стоит там рядом с арендой, электричеством и зарплатой кассира — обычная статья расходов, ничем не хуже прочих. Продавец не размышляет о ней отдельно: он складывает все статьи и получает цену, ниже которой торговать нельзя. Комиссия входит в эту цену тем же способом, каким входит аренда, — молча и целиком.

Продавец эти деньги не печатает. У него их два источника: либо снизить свой заработок, либо вложить комиссию в цену товара. Первое он делать не будет — торговля с её наценками устроена так, что двум процентам в заработке взяться неоткуда. Остаётся второе, и второе он делает: комиссия перекочёвывает в ценник.

А теперь главное. Ценник в магазине один. На полке не написано «хлеб за наличные — сорок девять, хлеб по карте — пятьдесят»: цена одна для всех, кто вошёл в дверь. Значит, комиссия, вложенная в эту цену, собирается со всех покупателей подряд — с тех, кто платит картой, и с тех, кто достаёт купюры.

Двойного ценника не будет, и понятно почему. Продавец заранее не знает, чем вы заплатите, а перечёркивать цену у кассы — значит спорить с каждым вторым покупателем и растягивать очередь. Проще посчитать среднее: какая доля выручки приходит по картам, столько комиссии и разложить на все товары ровным слоем. Слой тонкий, глазом не заметный — и именно поэтому никем не оспоренный.

Человек с наличными оплачивает дорогу, по которой не ехал. Он не прикладывал карту, банк не получил с его покупки ни копейки напрямую — но невидимая строка в ценнике не спрашивает, чем вы платите. Она вписана заранее, до того, как вы подошли к кассе. Это не чья-то злая воля — это арифметика одного ценника на всех.

Считаем. Семья тратит в магазинах условные шестьдесят тысяч рублей в месяц. Доля комиссии в цене — те же условные два процента. Шестьдесят тысяч умножить на две сотых — тысяча двести рублей в месяц; тысяча двести умножить на двенадцать — четырнадцать тысяч четырехста рублей в год. Формула открыта: месячные траты, умноженные на долю комиссии, умноженные на двенадцать, — подставьте свои числа и свою долю.

Траты — это не только продуктовый магазин: аптека, бензин, одежда, кафе проходят через те же терминалы с той же строкой в цене. Четырнадцать условных тысяч в год — по деньгам это семейные счета за связь и интернет за полгода или несколько полных продуктовых корзин. Число не громкое, и громким его делать незачем. Достаточно того, что оно настоящее — по вашим тратам оно ваше, и посчитать его отныне можно за минуту.

Четырнадцать тысяч в год — это не штраф и не обман. Это цена платёжной дороги: терминалы, связь между банками, мгновенность перевода, защита от подделок, возврат денег при сбое. Инфраструктура стоит денег — так же, как стоят

денег электрические сети или водопровод, — и кто-то обязан её содержать.

Здесь стоит вспомнить фигуру из первой главы. Там банк был должником: деньги на карте — его обещание выдать по требованию. Теперь видна вторая сторона того же ремесла: посредник зарабатывает не на хранении вашего остатка, а на его движении. Каждый раз, когда обещание превращается в оплаченный хлеб, дорога берёт свой сбор — и чем больше вы двигаете деньги, тем больше она зарабатывает.

Поэтому разоблачения здесь нет. Банки не злодеи: они построили дорогу и берут за проезд — обычное ремесло, старое, как мосты с их сборами. Претензия возможна только одна, и она не к ремеслу. Сбор за проезд по мосту виден: стоит будка, висит табличка, названа сумма.

Платёжный сбор устроен иначе. Он собирается со всех, но не показан никому: ни строки в чеке, ни таблички на кассе, ни упоминания на ценнике. Покупатель с купюрами уверен, что банковская дорога его не касается, — и ошибается на четырнадцать условных тысяч в год. Покупатель с картой уверен, что платёж бесплатный, — и ошибается ровно на ту же сумму.

Вопрос поэтому не «брать или не брать» — инфраструктура имеет право на цену. Вопрос звучит иначе: сколько именно стоит платёж — и кто эту цену видит. Банк видит её до копейки: комиссия — его выручка, по ней составляют отчёты. Продавец видит её раз в месяц — строкой между

арендой и электричеством.

Не видит один покупатель. Ему не выставили счёт, не показали строку, не повесили табличку — цену платежа растворили в цене хлеба, где различить её невооружённым глазом нельзя. Теперь у вас есть формула — это и есть очки. Сорок девять рублей на ценнике так и останутся сорока девятью, но внутри них вы будете видеть примерно рубль, который уходит не пекарю.

2.2. Кешбэк: возврат вашей же комиссии

В конце месяца телефон присылает приятное сообщение: вам начислен кешбэк, условные семьсот рублей. Деньги настоящие — их можно потратить, и тратить их приятно вдвойне: они как будто взялись ниоткуда. Банк называет это вознаграждением, реклама — заботой, здравый смысл — подарком. Стоит проверить только одно: откуда эти семьсот рублей берутся физически.

Банк не печатает деньги на подарки и не достаёт их из прибыли по доброте. У кешбэка есть конкретный источник, и он уже знаком: комиссия за приём карт. Та самая, которую банк удержал с продавца за каждый писк терминала, — а продавец заранее вложил в ценник. Кешбэк выплачивается из неё: собранное с продавцов частично возвращается покупателю.

У повышенных ставок — «до десяти процентов в любимой категории» — источник второй, но той же породы. Там

доплачивает магазин-партнёр: он покупает у банка поток покупателей и относит эту плату туда же, куда относит все расходы, — в цену товара. Какой бы щедрой ни выглядела ставка, кормится она из двух карманов, и оба кармана при ближайшем рассмотрении оказываются покупательскими. Других денег в этой конструкции просто нет: ни банк, ни магазин своих не добавляют.

Теперь этот путь можно пройти целиком, шаг за шагом. Шаг первый: продавец закладывает комиссию в цену — хлеб дорожает на условный рубль для всех. Шаг второй: вы платите картой, банк удерживает этот рубль с продавца. Шаг третий: банк возвращает вам условные полрубля и присылает сообщение о вознаграждении.

Круг замкнулся. Деньги вышли из вашего кошелька — через ценник, — прошли через продавца и банк — и частично вернулись к вам же. По дороге они сменили имя: вышли ценой хлеба, вернулись подарком. Ни на одном шаге никто не солгал — и тем не менее в конце пути вы благодарите банк за возврат денег, которые час назад были вашими.

Работает это на одном простом свойстве: путь не виден. Если бы кассир прямо у кассы отсчитал вам полтинник со словами «возвращаю часть наценки за платёж» — благодарности бы не возникло: возврат своего подарком не считают. Но между ценником и сообщением в телефоне лежит месяц и три посредника, и связь рвётся. Рубль, ушедший в цене, безымянен; полтинник, пришедший с поздравлением, под-

писан именем банка — а благодарят того, чьё имя стоит на конверте.

Считаем — на прежних числах. Семья тратит условные шестьдесят тысяч в месяц; комиссия в ценах — условные два процента, тысяча двести рублей. Кешбэк по обычным ставкам вернул условные семьсот. Тысяча двести минус семьсот — пятьсот рублей в месяц остаются в платёжной системе; формула открыта: вложенная в цены комиссия минус возвращённый кешбэк, подставьте свои числа.

За год эти пятьсот превращаются в шесть тысяч: пятьсот умножить на двенадцать. Это и есть чистая цена платёжной дороги для одной условной семьи — после всех подарков, поздравлений и повышенных ставок. Заметьте, как изменилось число: дорога собирала четырнадцать тысяч четыреста, вернула часть и оставила себе шесть. Оба числа условные, обе формулы открыты — какое из них ваше, решает только ваша выписка.

Разница и есть заработок дороги — тот, ради которого всё построено. Кешбэк не отменяет сбор, он возвращает его часть, и возвращает не всем поровну. Получает вернувшуюся долю тот, кто платит картой, — а вкладывают в ценник все, включая человека с купюрами: его часть комиссии тоже собрана, но возвращать её некому и некуда. Он единственный участник круга, который платит за подарки, не получая ни одного.

Картинка из любой очереди. Два покупателя, одинаковые

корзины, одна цена на кассе — рубль наценки за платёж внутри каждой. Первый приложил карту: вечером ему вернётся полтинник с поздравлением. Второй расплатился купюрами: его рубль остался в системе целиком — и часть этого рубля завтра вернётся не ему, а первому, под именем вознаграждения за верность.

Из этого не следует, что от кешбэка надо отказываться. Раз комиссия всё равно сидит в цене, забирать обратно свою долю — здоровое поведение, и эта книга не скажет о нём дурного слова. Вернувшиеся семьсот рублей настоящие; берите их спокойно. Меняется не действие — меняется зрение: теперь известно, чьи это деньги были до того, как стать вознаграждением.

Иначе после этого читается только реклама. «Банк дарит», «банк платит вам за покупки» — такие фразы переводятся на русский автоматически: банк возвращает часть собранного. Перевод не отменяет выгоды — он просто ставит глагол на место.

Мелким шрифтом. Нельзя не признать: конструкция изящная, инженеры аплодируют стоя. Взять у человека рубль через ценник, вернуть ему полтинник через приложение — и получить в ответ не претензию, а благодарность и верность банку до гроба. Вечный двигатель не изобрели, но двигатель на благодарности клиента к его собственным деньгам — вот он, работает без перебоев.

Обиды тут нет, и искать её незачем: правила открыты,

арифметика сходится, каждый участник круга действует разумно. Просто слово «подарок» теперь придётся читать в кавычках. Подарок — это когда дарят чужое; здесь возвращают ваше, за вычетом платы за возврат.

2.3. Сколько берёт третья форма

Тот же продавец у дома, та же касса, тот же покупатель с хлебом. Два способа заплатить уже посчитаны: купюра не берёт с этой сделки ничего, карта берёт условные два процента через ценник. Честность требует задать третий вопрос тем же ровным голосом: а сколько берёт цифровой рубль?

Строго говоря, сначала надо уточнить и первый ответ. Купюра не берёт процента со сделки — но наличная выручка не бесплатна для продавца: её надо пересчитать, хранить под замком и возить в банк, а за перевозку и пересчёт банк тоже выставляет счёт. Это плата за обслуживание, а не доля с каждой покупки, и по величине она обычно скромнее карточной — но она есть, и в ценник попадает тем же путём. Бесплатной формы денег у продавца нет вовсе; есть формы дешевле и дороже.

Теперь — почему у третьей формы вообще может быть другой ответ. Вспомните делёж: карточный процент кормит три руки — банк покупателя, банк продавца и систему между ними. Путь платежа длинен, и на каждом участке стоит посредник со своей долей. Третья форма устроена короче:

деньги — обязательство центрального банка, и с кошелька на кошелёк они переходят внутри одной платформы, а не по цепочке из трёх посредников. Меньше участков — меньше рук, которым положена доля.

О самих ставках — в общих словах: другого честного способа здесь нет. Для человека переводы и оплата цифровым рублём — без комиссии или с малой. Это текущее положение, и назвать его надо именно так: положение, а не вечный закон. Сегодня дорога для плательщика бесплатна; слово «сегодня» в этой фразе не украшение, а несущая часть.

В быту это означает простую вещь. Человек привык, что движение денег иногда стоит денег само по себе: за перевод в чужой банк сверх какого-то предела берут долю, за снятие в чужом устройстве берут долю, и к этим долям все притерпелись, как к плохой погоде. У третьей формы перевод с кошелька на кошелёк — просто перевод: сумма вышла, та же сумма пришла. Не потому, что кто-то расщедрился, а потому, что на этом участке пути некому стоять с протянутой рукой.

Для продавца приём цифровых рублей заметно дешевле приёма карт. Тоже в общих словах и тоже как текущее положение: ниже — это порядок, а не тариф. Для того продавца у дома разница выглядит просто: строка расходов, стоявшая в отчёте рядом с арендой, становится тоньше — не исчезает, но худеет.

Чтобы понять, почему продавец на эту строку смотрит

внимательнее покупателя, достаточно одного условного расчёта. Пусть наценка продавца — условные десять процентов от цены: на них он живёт, платит аренду и кассира. Комиссия за карту — условные два процента от той же цены. Два разделить на десять — пятая часть всего, что продавец зарабатывает с товара, уходит платёжной дорожке. Для покупателя два процента — мелочь в ценнике; для продавца — каждый пятый рубль его наценки, и торговаться за эту долю он будет всерьёз.

Тарифы платформы устанавливает ведомство — и оно же их меняет, не спрашивая ни эту книгу, ни её читателя. Что бесплатно сегодня, может стать платным завтра; что дёшево для продавца, может подорожать. Автор не работает в ведомстве, не отвечает за него и обещать за него не может ничего — это было сказано в правилах и остаётся в силе на каждой странице.

Дело поэтому не в цифрах, а в конструкции. Цифры меняются росчерком; устройство — нет. Книга описывает второе: не «сколько стоит сегодня по прейскуранту», а «из чего складывается цена в принципе». Прейскуранты пусть печатают банки — у них это выходит лучше и быстрее устаревает.

У конструкции перед прейскурантом есть и другое преимущество: она остаётся инструментом, когда цифры уйдут. Если завтра на платформе появится новая комиссия, читатель, знающий устройство, задаст ей правильный вопрос: какому посреднику она платится и за какой участок пути. У

осмысленного сбора ответ найдётся; у сбора, взятого потому, что можно, — нет. Различать первые и вторые — умение на годы.

А конструкция говорит вот что. Комиссия — не природное свойство денег, а плата посредникам за участки пути. Ценник впитывает её ровно в том размере, в каком она существует: у карты три руки — в цене сидят доли трёх рук. Там, где посредников меньше, закладывать в цену попросту нечего — не из щедрости, а по устройству: строка в ценнике не может быть толще, чем сбор, который её породил.

Это следствие, и его важно не перепутать с обещанием. Обещание звучало бы так: «переходите на цифровой рубль — и цены упадут». Книга этого не говорит и не скажет: упадут ли цены, решает продавец, рынок и сто обстоятельств, до которых платёжной дороге дела нет. Следствие скромнее: у более короткой дороги меньше сборов, которые можно вложить в ценник. Что продавец сделает с похудевшей строкой — снизит цену, оставит себе, потратит на ремонт крыльца, — конструкция не диктует.

Бесплатных дорог при этом не бывает, и делать вид, что третья форма — исключение, значило бы врать. Платформа тоже стоит денег: её строят, содержат и охраняют. Разница не в том, что цена исчезла, а в том, где она собирается: не долями трёх посредников с каждого писка терминала, а на одном коротком участке пути. В какой мере её понесёт плательщик, решает всё то же ведомство.

У третьей формы посредник другой и экономика другая: путь короче, рук меньше, и невидимой строке в ценнике там почти не из чего расти. Нулей в экономике не бывает, а честный счёт не округляют в свою пользу — даже когда очень хочется.

2.4. Считаем: надбавка за год

Для этой страницы понадобятся листок, карандаш и пять минут. До сих пор счёт шёл на условной семье — теперь очередь вашей. Формула короткая, неизвестных в ней два, и оба вы способны оценить сами, не спрашивая ни банк, ни продавца.

Вот она целиком: посредническая надбавка за год равна месячным тратам, умноженным на долю комиссии в цене, умноженным на двенадцать. Всё. Ни степеней, ни таблиц — арифметика четвёртого класса, и в этом её сила: формулу, которую можно проверить в столбик, труднее всего оспорить.

Первый множитель — месячные траты. Сюда идёт всё, что вы покупаете там, где стоит терминал: продукты, аптека, бензин, одежда, кафе, парикмахерская — любое место, где касса пищит. Не идут переводы родне, аренда жилья и плата по кредитам — там другая механика и другие сборы. Оценить можно по выписке за пару месяцев, а можно по памяти — для этой формулы хватит и грубой прикидки.

Отдельный вопрос — крупные разовые покупки: техника, мебель, поездки. Формула их не запрещает и не требует; честнее всего посчитать дважды — без них и с ними — и посмотреть на оба числа. Крупная покупка несёт ту же долю в цене, что и хлеб, только рублей в этой доле больше: два процента от холодильника — это уже цена нескольких обедов. Включать или нет — решайте по тому, случаются ли такие покупки у вас каждый год или раз в пятилетку.

Один вопрос формула вам не задаст — и это стоит заметить. Она не спрашивает, чем вы платите. Надбавка сидит в цене, а цена одна на всех: карта, купюры, телефон — множитель не меняется. Человек, не имеющий карты вовсе, подставляет в формулу те же свои траты, что и человек, не видевший наличных десять лет.

Второй множитель — доля комиссии в цене. Точной цифры покупателю не сообщают: ставки у всех продавцов разные и прописаны в их договорах, не в ваших. Поэтому доля условная, и книга это имя с неё не снимает. Здесь всё время стояли два процента; считаете, что честнее осторожнее, — возьмите один; считаете, что жёстче, — возьмите три. Формула переживёт любую из подстановок, потому что она про устройство, а не про точность до копейки.

Теперь подстановка — в последний раз на условных числах, чтобы был образец. Та же семья: шестьдесят тысяч в месяц, два процента, двенадцать месяцев — четырнадцать тысяч четыреста рублей в год. Это надбавка валовая: столько

вошло в ценники. Кто платит картой, вычитает вернувшийся кешбэк — при условных семистах в месяц это восемь тысяч четыреста в год, и чистая надбавка сжимается до шести тысяч. Кто платит наличными, не вычитает ничего: его четырнадцать тысяч четыреста остаются целиком.

Формула линейна, и у этого есть следствие. Тратите вдвое больше — надбавка вдвое больше; тратите вдвое меньше — вдвое меньше. Доля при этом одинакова для всех: и скромный кошелёк, и щедрый отдадут дороге один и тот же процент своих трат — разница только в рублях. Поэтому чужое число вам не подходит: ни условной семьи из книги, ни соседа, ни среднее по стране.

И ещё одна асимметрия, которую формула показывает молча. Разница между двумя итогами — те самые деньги из очереди с двумя одинаковыми корзинами, и здесь они впервые получают годовой размер: подставьте, вычтите, сравните.

Число получилось скромное — и печатается скромным. Шесть тысяч в год с семьи, даже четырнадцать — это не разорение, не грабёж и не заголовок для газеты. Соблазн был: подкрутить долю, расширить траты, взять семью пощеднее — и вывести число, от которого читатель ахнет. Книга этого не сделала и не сделает: ахнувший над подогнанной цифрой читатель, проверив её, не поверит уже ничему, а эта глава писалась не ради ахов.

Скромное число делает свою работу не размером. Оно де-

лает её существованием: строка, которой вы не видели двадцать лет, получила величину, и величину эту вывели ваши руки. Теперь у вас есть инструмент на годы вперёд: изменятся ставки — подставите новые, изменятся траты — пересчитаете за минуту. Формула опубликована, и отобрать её обратно нельзя.

Этот инструмент объясняет и пару бытовых загадок. Табличка «скидка при оплате наличными», которая изредка встречается у мастеров и на рынках, перестаёт быть странностью: продавец делится с вами комиссией, которую в этом случае не заплатит, — арифметика сходится с точностью до его выгоды. А предложение «карта с небывалым кешбэком» читается через тот же вопрос: из какого сбора это будет выплачено и в чьих ценах этот сбор сидит. Ответ формула даёт раньше, чем реклама успевает договорить.

Ваше число может выйти меньше условного, может — больше. Каким бы оно ни вышло, у него есть свойство, которого нет ни у одной цифры из рекламы и ни у одной страшилки из разговоров: оно ваше и оно честное. С ним и оставайтесь.

Очки надеты. Ценник больше не одно число: внутри него видна строка, у строки есть адресаты, у адресатов — свои доли, и годовую сумму этих долей вы только что вывели сами, в столбик, без единой чужой цифры. Скромная она или нет — она первая цифра в этом разговоре, которую никто не принёс вам готовой.

С этим зрением иначе выглядит и слово «бесплатно». Бесплатная карта, бесплатное обслуживание, платёж без комиссии — всё это правда в том смысле, что счёт вам не выставляли. И всё это неправда в том смысле, что счёт растворён там, где его не ищут. Дорога от кошелька до кассы всегда кем-то оплачена; вопрос был лишь в том, видите ли вы, кем и насколько, — теперь видите.

Но очки показали не всё — по честности надо сказать и это. У платежа, кроме цены, есть второе свойство, и в чеке его не печатают: каждый безналичный рубль, двигаясь, оставляет след, а купюра не оставляет. Цена посредника теперь посчитана — до рубля, вашей рукой. Цена бесследности — ещё нет, и она считается не в процентах с покупки.

Глава 3. Свидетель и запись

Утро обычного вторника оставляет за человеком больше записей, чем он успевает заметить. Турникет метро отметил время входа. Телефон доложил вышке, где находится хозяин, — и делает это каждые несколько минут, пока хозяин думает о своём. Пропуск на работе запомнил, во сколько человек пришёл и во сколько вышел покурить.

Карта записала кофе: место, минуту, сумму. Камера над дверью сняла, как этот кофе несли по коридору. К вечеру набирается длинный список записей о человеке, который не сделал ничего особенного — просто прожил день.

И только купюра, которой он расплатился за пирожок у выхода из метро, не запомнила ничего. Ни его, ни продавца, ни суммы, ни времени. Она перешла из рук в руки и осталась пустой, как будто ничего не произошло. Но что-то произошло: продавец видел покупателя, очередь стояла в шаге, камера над ларьком писала свой архив.

Здесь и начинается неувязка со словом «анонимность», которым принято описывать наличные. Как может быть анонимным то, что случилось у всех на глазах? Слово неточное — а точное надо найти. У денег две памяти: память свидетеля, которую в спорах не принимают, и память записи, которую принимают, — и главное про каждую форму денег не «есть ли след», а кто его читает.

Вопрос о читателе следа неудобен ещё и тем, что рано или поздно упирается в того, кто его задаёт.

3.1. Купюра не помнит. Помнят люди

У карты есть выписка. У телефона — журнал вызовов и маршрут между вышками. У пропуска — время входа и выхода с точностью до секунды. У камеры — архив, в котором вы идёте по коридору позавчера в четверть десятого.

У купюры нет ничего. Достаньте любую из кошелька и попробуйте восстановить её вчерашний день: где была, кто кому её передал, за что. Бумага молчит. На ней есть серийный номер, но он не связан ни с одним именем и ни с одной покупкой — номер есть, биографии нет.

А биография у неё длинная. Обычная тысячная бумажка живёт годы и проходит сотни рук: аптека, рынок, чья-то сдача, конверт ко дню рождения, снова касса. Из всех этих рук она не запомнила ни одной. Купюра — единственный предмет в вашем кармане, который принципиально не ведёт записей.

Оглянитесь: всё остальное их ведёт. Карточка магазина помнит ваши покупки лучше вас и подбирает скидку на то, что вы берёте по четвергам. Навигатор хранит маршруты за годы: вот дача, вот поликлиника, вот адрес, который вы искали один раз в жизни. Даже лифт в новом доме пишет журнал этажей, а домофон — журнал открытий.

Мир вокруг кошелька стал сплошной записывающей поверхностью — не по злему умыслу, а по устройству: техника запоминает, потому что запоминать ей ничего не стоит. И посреди этой поверхности лежит предмет из другой эпохи. Бумага, которая прошла через тысячу событий и ни одного не сохранила.

Из этого легко сделать вывод, что наличная трата невидима. Вывод напрашивается — и он неверен. Чтобы убедиться, не нужно ни техники, ни допусков: достаточно провести мысленный опыт.

Возьмите любую наличную трату, самую невинную. Вы купили арбуз у дороги. Продавец вас видел — и, скорее всего, запомнил, потому что вы торговались и уходили, а он вас вернул, скинув полтинник. Водитель, ставивший машину рядом, слышал цену.

Теперь трату посерьёзнее. Курьер привёз заказ, вы рассчитались наличными у двери. Курьера запомнила соседка: он перепутал этаж и две минуты звонил к ней. Домофон записал, когда открывали подъезд; камера во дворе сняла, где стояла его машина и сколько.

Или трату из тех, что принято считать «между нами». Мастер переложил вам плитку в ванной, расчёт наличными, без бумаг. Но мастера впустил консьерж и записал в тетрадь посетителей; его перфоратор слышал весь стояк; сосед снизу заходил ругаться и видел его в лицо. «Между нами» получилось на слуху у половины подъезда.

Это касается и трат преступных — у них свидетелей не меньше, а больше. Мошенник, забравший конверт у Тамары Ивановны с первого этажа, не был невидим: его видели подъезд, улица и домофон. Он шёл мимо лавочки, мимо окон, мимо чужих регистраторов. Невидимых людей не бывает — бывают люди, которых потом не могут найти.

Доведите опыт до предела. Попробуйте придумать наличную трату вовсе без свидетелей — ночь, пустырь, никого. Даже там свидетелей остаётся двое: вы и тот, кто взял деньги. Наличный платёж по своему устройству — передача из рук в руки, а значит, минимум одна пара глаз напротив ваших есть всегда.

У каждой траты своя маленькая аудитория, и собирается она сама, без чьего-либо умысла: деньги ходят между людьми, а люди живут среди других людей, камер, окон и дверей.

Картина получается странная. В центре — купюра, которая перешла из рук в руки и не запомнила ни одного лица. А вокруг — люди и камеры, запомнившие всё: кто пришёл, во что был одет, сколько стоял у двери. Единственный участник события, оставшийся без памяти, — сами деньги.

Теперь приложите к этому слово «анонимность» — то самое, которым описывают наличные и в обиходе, и в спорах. Анонимно — значит, никто не знает. Но только что выяснилось: кто-то знает всегда. Продавец знает, соседка знает, второй участник сделки знает по определению.

Слово не сходится с фактами. Ни одна из перечисленных трат — арбуз, курьер, конверт — не была тайной; у всякой нашлись глаза и память. Купюра не сделала тайной ни одну из них — и не могла: прятать происходящее не в её силах, она лежит в кармане и ни на что вокруг не влияет.

При этом что-то она всё-таки делает. Иначе не существовало бы ни присказки о том, что деньги не пахнут, ни конвертов, ни людей, которые за вещи дороже машины требуют «только нал». Что-то отличает трату купюрой от траты картой — что-то настоящее, ради чего эту форму денег выбирают, когда хотят, чтобы... чтобы что? Вот это и есть загадка: спрятать трату купюра не может, а выбирают её именно за это «спрятать».

Прежде чем идти к ответу — одна оговорка, без которой дальше нельзя. Из сказанного не следует ничего дурного о людях, которые любят наличные. Их миллионы, и они не преступники: женщина, откладывающая купюры в конверт с надписью «на школу», честна вне зависимости от формы своих денег. Kassир, получающий зарплату на карту и тут же снимающий её в банкомате, не замышляет ничего — ему так спокойнее, и это его право.

У любви к купюре есть внятные причины. Она наглядна: пачка видна, остаток чувствуется пальцами, потратить больше, чем есть, физически нельзя. Она не зависит от заряда телефона, от связи и от настроения техники. Её можно дать ребёнку на мороженое, не открывая никому никаких счетов.

Есть и причина глубже — привычка руки. Человек, который сорок лет получал, считал и отдавал бумагу, чувствует деньги пальцами; цифры на экране для него — обещание денег, а не деньги. Это не отсталость, это опыт: глава 1 показала, что за цифрами на карточном счёте и правда стоит чужое обязательство, так что рука по-своему права.

Эта книга спорит не с этими людьми и не с их привычкой — привычка нормальна. Спор у книги с одним-единственным свойством самой бумаги. Чтобы назвать его точным словом, осталось понять, что же купюра делает с тратой на самом деле.

3.2. Свидетель против записи

Вернитесь к продавцу арбузов. Неделю назад он вас видел, запомнил и даже окликнул вслед, скинув полтинник. Подойдите к нему сегодня и спросите, был ли такой покупатель. Он честно наморщит лоб: за неделю мимо него прошли триста человек, и все торговались.

След наличной траты существует — это установлено. Но живёт он в памяти людей, а память у людей устроена не как архив. Она забывает, путает, боится и стареет — и каждое из этих четырёх слов стоит развернуть, потому что на них держится вся разница.

Забывает: продавец не вспомнит вас через неделю, потому что вы для него — один из потока; лицо, не событие. Пу-

тает: соседка точно видела курьера, но перепутает день, а на вопрос «куртка синяя или чёрная?» ответит «тёмная» — и оба варианта окажутся мимо. Она не врёт: память хранит не кадры, а впечатления, и дорисовывает подробности на ходу.

Бойтся: «я ничего не видел» — старейшая фраза подъезда. Свидетель не обязан говорить, у него бывают причины молчать, и причины эти уважительные: ему здесь жить. Старее: через год человек уверенно расскажет то, чего не было, — память не плёнка, а пересказ самому себе, и с каждым пересказом история чуть меняется. Уверенность при этом только растёт: чем дальше событие, тем твёрже голос.

Даже камера, самый дисциплинированный из свидетелей, — свидетель со сроком годности. Архив над кассой хранится недели и стирается сам, по кругу. Если никто не пришёл за записью вовремя — её больше нет, как не было.

А теперь поставьте рядом запись — любую строку в выписке. Она не забывает и не путает: дата, сумма, стороны стоят в ней сегодня так же, как встанут через десять лет. Она не боится: ей не жить в вашем подъезде. Она не стареет и не умирает вместе с человеком — свидетель один и смертен, запись можно скопировать, переслать и предъявить, когда всех участников уже не соберёшь.

Проверьте эту память там, где она по-настоящему нужна, — в местах, где решается спор. Таких мест четыре, и в каждом происходит одно и то же.

Первое — прилавок. Вы вернулись к продавцу с телефо-

ном, который умер на второй день: «я покупал у вас вчера, наличными, вы должны меня помнить». Продавец пожимает плечами — может, покупали, может, нет, чека нет, таких, как вы, сто человек в день. Ваша память против его памяти — ничья, а товар и деньги при этом у него.

Заметьте: продавцу даже не нужно врать. Ему достаточно не вспомнить — и он действительно не помнит, честно. Спор кончается, не начавшись: сталкивать нечего с нечем.

Второе — банк. Для банка операция существует, только если она записана: строка есть — деньги были, строки нет — их не было. Фраза «я вносил, я помню» не открывает в банке ни одной двери, зато строка в выписке работает и без вашей памяти — вы можете забыть платёж, а он останется и найдётся по запросу через годы. Банк не бездушен, он просто веками имеет дело с человеческой памятью и веками ей не верит.

Третье — суд. Суд слушает свидетелей столько же, сколько существует, и цену им знает: показания проверяют, сравнивают между собой, ловят на противоречиях и отбрасывают. Выписку не допрашивают — её приобщают. Документ спорит лучше человека: он не волнуется, не путается в датах и не меняет показаний.

Четвёртое место — вы сами, через полгода. «Я точно помню, что отдал» — самая частая фраза человека, который не может доказать. Долг соседу, сдача с пяти тысячной, конверт, переданный из рук в руки, — везде одно и то же: помнить и

мочь предъявить оказались разными вещами, и выяснилось это в худший момент.

Причём в этом споре вы проигрываете даже себе. Через полгода собственная память отдаёт вам событие в пересказе: вроде бы отдавал у гаража... или у подъезда, в пятницу — или в четверг перед праздниками. Вы честный человек с честной памятью, и предъявить вам нечего.

Вот теперь у загадки есть ответ. След наличной траты есть — но он существует в единственной форме, которая ни в одном из этих четырёх мест не работает доказательством: в памяти свидетелей. Действие видели все. Предъявить не может никто.

Бесследность — это не невидимость, а недоказуемость: купюра не прячет действие — она уничтожает доказательство.

Купюра — не шапка-невидимка; спрятать происходящее она не может, это выяснено опытом. Купюра — уничтожитель доказательств, и работает он в момент передачи из рук в руки. Секунду назад деньги были здесь — и вот их след оборван: осталась дюжина свидетелей с их смертной, путаной, пугливой памятью и ни одной строки, которую принял бы прилавок, банк или суд.

Обратите внимание на слово «момент» — оно здесь точное. Уничтожение не требует ни усилий, ни умысла, ни даже понимания: оно встроено в сам жест передачи. Школьница, покупающая тетрадь, и кто угодно с любыми намерениями

производят одну и ту же операцию — и доказательство исчезает у обоих одинаково, само, бесплатно, в ту же секунду.

Разница между купюрой и картой — не в том, что одну трату видно, а другую нет: видно обе, у обеих есть аудитория. Разница в том, что после карты остаётся запись, а после купюры — только люди. Свидетель против записи — вот настоящее имя противостояния, которое в обиходе зовут «анонимность против слежки».

И со словом «анонимность» теперь можно поступить честно. С этой страницы оно остаётся в книге как слово бытовое и чужое — в речи людей, в мелочах жизни, где оно прижилось и никому не мешает. Точное имя свойства — бесследность, и в несущих утверждениях книга будет говорить только на точном.

Точка. Хорошо это или плохо, что купюра устроена именно так, — вопрос, который книга задаст позже, с худшими из возражений. Здесь установлена физика: свидетель — не запись, память — не документ.

3.3. След карты: кто его читает

Откройте выписку по своей карте за прошлый месяц — не в уме, а на экране, глазами. Аптека у дома, три раза за неделю: родня, может, и не знала, что вы болели, а выписка знает — и дни, и суммы, и то, что за одной покупкой понадобились ещё две. Кофейня напротив работы, каждое утро в

восемь сорок: выписка знает, во сколько вы встаёте и что без кофе не человек. Заправка по пятницам вечером — выписка вычислила вашу дачу раньше, чем о ней узнали коллеги.

Дальше — больше. Билеты и гостиница: когда вы уезжаете, куда и на сколько, — квартира стоит пустая, и запись об этом существует. Переводы по номеру телефона: кому вы помогаете деньгами, кто помогает вам. Магазин детских товаров, ветеринарная клиника, спортивный зал, купленный в январе и заброшенный в феврале, — состав семьи, привычки и слабости, всё аккуратными строками.

Выписка знает о вас больше, чем родня. Мать не знает, сколько вы тратите на сигареты, — выписка знает с точностью до рубля. Дома могут не знать про кредитную карту — банк знает про обе. Это не преувеличение: родня видит вас по выходным, а выписка — каждый день, и память у неё идеальная — та самая, которая не забывает, не путает и не стареет.

Причём сила выписки не в отдельной строке — отдельная строка невинна. Сила в накоплении: одна покупка ничего не значит, месяц покупок — уже характер, год — портрет. По суммам, мельчающим к концу месяца, видно, что месяц был трудным. По исчезнувшей строке «спортзал» и появившейся «пиццерия» видно то, о чём вы не рассказывали никому.

Между прочим, доказательство того, что портрет составляется, лежит у вас в телефоне. Откройте своё банковское приложение: траты уже разложены по полочкам — «супер-

маркеты», «здоровье», «развлечения», с диаграммой и сравнением с прошлым месяцем. Эту работу вы не заказывали. Банк прочитал вашу выписку раньше вас и показывает результат чтения как услугу.

Теперь второй вопрос, и он важнее первого: кто это читает.

Банк — по определению. Не потому, что подсматривает: запись физически живёт у него, он её и ведёт. Деньги на карте — это и есть строки в банковской книге, а платёж — изменение строк; вести запись и видеть её — одно действие, их нельзя разделить. У следа карты нет варианта «банк не в курсе» — банк и есть место, где след существует.

Остальные читатели — без конспирологии, категориями и в общих словах. Внутри самого банка выписку читают те, кто решает, предлагать ли вам кредит и на каких условиях: ваш портрет плательщика составлен из ваших покупок, и заявку на заём рассматривает в том числе ваша история трат. Снаружи — маркетинг: индустрия «персональных предложений», для которой выписка — готовый портрет покупателя. Когда магазин угадывает, что предложить «специально для вас», он не читает мысли — он читает покупки.

Никаких фамилий и адресов для этого не нужно: маркетингу интересен не гражданин, а профиль — «мужчина, тридцать пять — сорок, машина, ребёнок, ипотека». Обезличенно, категориями, как принято говорить. Профиль тем не менее ваш: скидку получает не абстракция, а ваш теле-

фон, и попадает она в яблочко подозрительно часто.

Кешбэк — часть той же механики: вам возвращают долю комиссии, чтобы вы платили картой чаще, потому что каждый ваш платёж картой ценен дважды — как комиссия и как строка в портрете. Здесь нет тайного кабинета и человека в чёрном, читающего про ваш кофе. Есть обычная, будничная индустрия, в которой след покупателя — сырьё, и работает она открыто, при свете дня, на каждом кассовом экране со словами «вам одобрено».

Теперь это надо назвать вслух, полным именем. Запись о двадцати годах вашей жизни лежит в чужих руках и ведётся в чужих интересах — вот что такое след карты, если убрать обтекаемые слова. Банк хранит его не в подарок вам: хранение окупается кредитными решениями, партнёрскими программами и тем самым портретом. Это реальная плата за удобство карты, и делать вид, что её нет, — врать.

Эта книга обвиняет бесследность — тем более она обязана назвать цену следа первой, раньше, чем это сделает оппонент. Смолчать здесь значило бы спорить нечестно: расхваливать запись и не сказать, у кого она лежит. Запись лежит у банка. Читают её люди, которых вы не звали.

«В чужих интересах» при этом не значит «во вред». Банку выгоден платёжеспособный, довольный клиент, и большая часть чтения работает на вещи безобидные: удобная сортировка трат, уместное предложение, вовремя замеченная странная операция. Но интересы остаются чужими — реше-

ния о том, что делать с вашим портретом, принимаете не вы. Читателя вы не выбирали, объём чтения не обсуждали, и слово «согласен» под длинным договором, который никто не читает, — единственная ваша подпись под всей этой конструкцией.

И последнее — про то, что с этим знанием делать. Вы платите эту цену давно: у большинства взрослых карта живёт в кармане лет двадцать, и все двадцать лет сделка действовала на нынешних условиях. Сделка не была тайной, но и вслух её никто не проговаривал: условия лежали мелким шрифтом, а рука тянулась к удобному.

Книга не предлагает перестать платить картой — ни здесь, ни дальше. Предложение другое, скромнее и взрослее: знать цену сделки, которую заключаешь каждый день у кассы. Знание это ничего не запрещает и ни к чему не обязывает — оно просто убирает из сделки слепоту.

Разница видна на мелочи. Человек, не знающий цены, прикладывает карту и получает удобство как бесплатное. Человек, знающий цену, прикладывает ту же карту к тому же терминалу — но уже как сторона договора: удобство и вечная защищённая запись в обмен на чужого читателя этой записи. Действие то же, слепоты меньше.

У сделки два участника, и второго полезно знать в лицо — хотя бы потому, что у разных форм денег этот второй участник разный.

3.4. След цифрового рубля: другой адресат

Та же кофейня, то же утро в восемь сорок — только на этот раз вы заплатили цифровыми рублями. Снаружи не изменилось ничего: терминал пискнул, чек выполз, очередь двинулась дальше. Вся разница — внутри, в том, куда легла запись о вашем кофе и кто может её прочитать.

Запись легла на платформе цифрового рубля, у её оператора — Центрального банка. Так устроена третья форма по определению, и это одна из немногих констант, на которые книга опирается: цифровой рубль — обязательство ЦБ, и запись о нём живёт там же, где само обязательство. Кошелёк цифрового рубля — не счёт в вашем банке.

Что именно легло в запись — то же, что и всегда ложится в платёжную запись: кто заплатил, кому, сколько и когда. Ничего сверх того, что о той же чашке знала запись карточная, — и здесь важно не поддаваться дорисовке. Описывать устройство подробнее бессмысленно: технические детали платформы меняются быстрее, чем печатаются книги, а для спора хватает констант.

Банк здесь — дверь, а не хранилище, как выяснилось ещё в главе 1: через его приложение вы входите к кошельку, но кошелёк лежит не у банка. А раз запись живёт не у него, читать её как собственную книгу он не может. По карте банк

видел всю вашу ленту трат — от аптеки до заправки; по цифровому рублю дверь видит меньше, чем видела бухгалтерия за дверью.

Магазин — как и раньше: свой чек, свою кассу, свою выручку. Он и по карте не знал о ваших прочих делах, и здесь не узнает. Для кассира и для витрины смена формы денег не значит ничего — она значит для тех, кто читает записи.

Вопрос, с которым обычно приходят к этой теме, поставлен неточно. Спросите про цифровой рубль на любой кухне — вопрос прозвучит одинаково: «так меня же будет видно?» Спрашивающий уверен, что до сих пор его видно не было, — а у него двадцать лет карта в кармане, и выписка по ней знает его лучше родни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.